

цели, одновременно простой и практичной. XVIII век определил ее. XX век во многом ее достиг. Или, если и не достиг, по крайней мере получил возможности для ее достижения. Национальный валовой продукт на душу населения составил в 1914 году, по приблизительным оценкам, около 40 фунтов. Если человечество не выберет путь дальнейшего принесения своего процветания в жертву амбициям и ужасам национализма, то к 2000 году он, возможно, удвоится.

Перевод В.Г. Николаева

Продолжение следует

Р. ФИРТ

СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ В МАЛОМ СООБЩЕСТВЕ*

Наша цель — понимание социального процесса. Для этого крайне важно понять принципы социальной структуры. Но этого самого по себе недостаточно. Необходимо увидеть, как в каждом данном случае социальная деятельность становится результатом сложного комплекса элементов, включающего в себя прямую реакцию на структурные принципы, их интерпретацию и выбор между ними, осуществляемый под влиянием личных интересов и опыта, особенностей темперамента и давлений, оказываемых другими индивидами, стремящимися достичь своих собственных целей. Социальный процесс предполагает течение времени и изменение социального положения индивидов. Социальные события не просто отражение или иллюстрация элементов социальной структуры. Они воздействуют на ситуации так, что действие становится необратимым, новые множества выборов — необходимыми, а сама структура общества, благодаря приведению в действие новых решений, — открытой для изменения.

Следующая, более сложная, иллюстрация из жизни сообщества Тикопии покажет этот динамический аспект социальной организации.

Событие, в котором я не только был наблюдателем, но даже в какой-то момент стал участником, было драматичным, но не уникальным. Вначале была трагедия. Старший сын вождя деревни, в которой я жил, был мужчиной средних лет. Звали его Па Рангифури¹. Он был моим другом, добрым, честным, простым человеком. Незадолго до того, как я прибыл на Тикопию, с ним случилась беда: он потерял в

* Окончание. Начало см.: Личность. Культура. Общество. 2001. Т.3. Вып. 3(9). Перевод выполнен по изданию: Firth R. Elements of Social Organization. L., 1951. P. 41-79.

¹ Сейчас (1950) он Арики Тафуа; несколько лет назад он сменил своего отца.

Фирт Реймонд — видный британский социальный антрополог, автор признанных теоретических работ и полевых исследований, в том числе по экономической антропологии. С начала 60-х гг. XX века — председатель Ассоциации социальных антропологов Содружества.

море своего старшего сына. Мальчик — звали его Ноакена — был сво-вольным, упрямым парнем, с презрением относившимся к дисциплине и одержимым идеей, что его положение делает его действительным наследником, которому достанется в конечном счете титул его дедушки — вождя. В деревне все полагали, что парень прихватил каноэ и вышел в открытое море искать свою судьбу, поскольку отец отругал его, а он отказался принять критику. Отец его привел еще один, дополнительный довод. Одним из излюбленных способов времяпрепровождения на Тикопии является состязание в бросании дротиков — официальное соревнование между двумя группами мужчин, в котором каждая сторона стремится дальше всех метнуть дротик на широкой открытой площадке наподобие нашего крикетного поля. Одна сторона носит название Холостяки, другая — Новобрачные, хотя этим словам не придается буквального значения, и эти стороны фактически воспроизводят традиционное соперничество районов и кланов, о котором мы уже ранее говорили. В тот день, когда он вечером ушел в море, он явился на состязание по бросанию дротиков как новичок. В силу своего социального положения он, возможно, ожидал некоторого признания, поскольку на танцевальных праздниках и других общественных мероприятиях к новичкам на Тикопии обычно проявляют особое отношение. Один из других вождей, присутствовавший там, и в самом деле позвал его на свою сторону, дабы дать дротику племянника возможность выиграть. Но игроки на это не согласились, и мальчик не достиг успеха. Он ушел, рассерженный, к отцу, на ходу изрыгая проклятья: «Пусть их отцы едят отбросы, Новобрачные чертовы; они не дали моему дротику выиграть. Ну почему? Разве эта площадка для игры принадлежит им?..» — и так далее в том же роде. На его стороне было то, что игра имеет не только развлекательное, но и ритуальное значение, и что главную ответственность за площадку для бросания дротиков несут, в представлении местных жителей, боги его клана. Его отец рассказал мне, что, по его мнению, это событие, видимо, настолько возбудило мальчика, что стоило лишь ему его отругать, как он стремглав выбежал из дома, схватил каноэ и ушел. С тех пор больше о нем не слышали. Ассоциации, связанные с игрой в дротики, были для отца настолько мучительны, что он ни разу не появился на игровом поле, пока не истек период траура.

На Тикопии принят обычай: когда кто-то потерялся в море, родственники ждут примерно в течение года, пока издали не придет какое-нибудь судно. Если оно не приносит новостей, значит пропав-

ший почти наверняка утонул. После этого они могут совершить похоронные обряды так, как если бы они совершались с телом, но только вместо тела в пустой могиле лежат соломенные подстилки и одежда. Это называется «расстелить могильную одежду, чтобы пропавший мог высушиться». Символизм состоит в том, что могильная одежда становится сухим облачением для духа умершего, чье тело ушло в место своего последнего упокоения на дне океана в прилипшем к нему сыром одеянии. И вот наконец, судя по разговорам в деревне, настало время подумать о том, чтобы «расстелить могильную одежду» для Ноакена. Как показали последующие события, Па Рангифури мучительно этого ждал.

Похоронный обряд — это социальный обряд *par excellence*. Мнимым его объектом является умерший, но нужен он не умершим, а живым. Как говорил Э.М. Форстер, «умершие, казалось бы, так много уносящие с собой, на самом деле не уносят с собой ничего нашего». Антропологи не раз подчеркивали, что этот ритуал выполняется ради тех, кого умерший оставил: его родственников, соседей, других членов сообщества. Это видно абсолютно ясно, когда ритуал выполняется в отношении человека, пропавшего в море. Одна из точек зрения на похоронный ритуал подчеркивает наличие обусловленной гигиеническими соображениями потребности в каких-нибудь стандартных средствах удаления тела покойного. Но здесь нет тела, одна пустота. Зачем же тогда брать на себя лишние трудности и симулировать обряды погребения, зачем тратить время и энергию, а также ценную собственность? Каждая теория социального процесса должна суметь предложить гипотезы, объясняющие это поведение.

Первым элементом в такой гипотезе будет разрешение неопределенности в поведении ближайших родственников. Для отца и матери погибшего мальчика его утрата, в частности, оставила после себя брешь. Идущая от сердца крайняя глубина их горя, может быть, и могла притупиться, но принятие ими его смерти все еще эмоционально затруднительно. Их установки и формы поведения все еще колеблются между продолжением учета его и его интересов и признанием того, что он должен быть исключен. Со временем оборванные концы их чувств будут как-нибудь связаны, и их действия соответственно вернутся в привычную колею. Похоронный ритуал дает социальную опору их попыткам свыкнуться с утратой, предоставляет им катартический механизм для публичного выражения горя и устанавливает некоторый период времени для их траура. По сути дела, сообщество говорит род-

ственникам: «Ваш мальчик мертв; теперь он похоронен. Плакивайте его в последнем порыве чувств перед всеми нами. Мы ожидаем этого от вас, и мы требуем этого от вас. А завтра вы вернетесь к нормальному социальному существованию». Этот ритуал представляет собой, следовательно, символ завершения.

Вторым элементом будет соблюдение социальной последовательности. Рэдклифф-Браун утверждал, что одна из основных функций ритуала состоит в том, чтобы служить поддержанию и укреплению системы чувств, от которых зависит существование общества. В этом смысле погребение могильной одежды человека, пропавшего в море, помогает поддержать надлежащие установки членов общества по отношению друг к другу: при том, что в центре внимания находится умерший, подчеркивается ценность услуг, оказываемых ему живыми. Более того, есть ценность — как эстетическая, так и моральная — в завершении паттерна. Каждая важная стадия, которой достигает человек в своей социальной жизни, отмечается некоторой формализацией, некоторым церемониалом. А посему человеку, объявленному когда-то членом общества, не может быть позволено покинуть его совсем без какого-либо прощания. Надлежащий способ постепенного прохождения через жизнь предполагает похороны. Независимо от того, есть тело или нет, ритуал должен быть совершен. За смертью каждого человека непременно должно следовать подтверждение социального характера человеческого существования.

Третий элемент — социальная значимость экономического аспекта. Это не случайно. С одной стороны, имеется общий принцип социальной жизни, суть которого в том, что чувство получает доверие к себе только тогда, когда оно подкреплено конкретным выражением. С другой стороны, мобилизация благ и переход их от одного человека к другому имеют социальные последствия. Каждые похороны сопряжены с расходами. На Тикопии это одежда из коры, продукты питания, деревянные тарелки, украшения, рыболовные крючки и другие ценности, которые накапливаются и передаются согласно традиционным правилам. В нашем западном обществе значительная часть расходов, связанных с похоронами, коммерциализирована; они идут владельцу похоронного бюро и другим людям, предоставляющим услуги, сопутствующие удалению умершего. В маленьком сообществе технически простого типа, каким является Тикопия, все растрачиваемые блага распределяются среди членов общества прежде всего с учетом родственных связей с ними и их обязательств. Какие-то родственники ответ-

ственны за приготовление могильной ямы и погребение тела; другие — за оплакивание в установленное время; третьи — за приготовление пищи, дабы плакальщики могли подкрепиться. Каждая из таких услуг приносит некоторое возмещение. Все событие в целом отмечено сложным взаимобменом благами и услугами. Какие-то из наиболее близких родственников становятся в основном поставщиками этих благ, другие, напротив, в основном их получают. Но эти трансакции не стоят особняком от всего. Другие похороны в другой семье разворачивают поток благ в обратном направлении. А потому все стороны, заинтересованные в том, чтобы оплатить свои долги или получить оплату за услуги, имеют всемогущий стимул проводить похоронные обряды надлежащим образом всякий раз, когда кто-нибудь умирает. И это тем более так, учитывая, что размах трансакций сам по себе является источником гордости и престижа. Для всех родственников умершего, кроме самых ближайших, эти вторичные детализации вполне могут перевешивать значимость первичного социального факта. Конкретное экономическое давление, стало быть, может приносить еще один стимул к тому, чтобы была выполнена во всех деталях полная ритуальная процедура нормального жизненного цикла человека — даже если отсутствует тело умершего.

Эти три элемента значимы для выполнения похоронного ритуала во всех типах обществ. Однако в этом конкретном контексте они помогают объяснить, почему предложение совершить имитацию похоронного обряда для мальчика, утонувшего в море, имело социальные основания именно в этом тикопийском сообществе.

В это же самое время в деревне всюду велись разговоры о ритуальном танцевальном празднике, который вот-вот должен был устроить старый вождь, отец Па Рангифури и дедушка утонувшего мальчика. Этот праздник должен был стать одним из праздников, которые должен давать каждый вождь по случаю наступления своего старшинства. Как таковой, он должен был быть торжеством в честь клановых богов², крупным увеселительным мероприятием для других вождей и публики. Становилось все более ясно, что невозможно будет провести мероприятия — похоронный обряд и танцевальное празднество — с

² Вождь был христианином. Но его вера в старых богов не была этим всерьез поколеблена, и сочиненные к этому событию песни начинались в традиционном стиле, с прославления всех языческих божеств. Вежливость, вместе с тем, была соблюдена — путем включения в список песни в честь его нового Бога.

небольшим разрывом во времени из-за того огромного количества еды и одежды, которого каждое из них потребует. Ресурсы группы, хотя и значительные, не выдержали бы такого напряжения. А потому важным вопросом, интересовавшим публику, стал вопрос: какое из этих событий будет проведено первым? Па Рангифури, естественно, хотелось, чтобы сначала был выполнен похоронный обряд для его сына. Его структурные обязательства обязывали его к этому. Он пребывал в трауре, соблюдал пищевые табу и воздерживался от участия в общественных делах уже около года и хотел от всего этого освободиться. В конце концов, он очень любил своего сына, и его глубокие чувства были на стороне того, чтобы сделать то, что причиталось сыну. Более того, он утверждал, и весьма резонно, что предпочитает сначала оплатить своего сына, а потом пойти потанцевать на празднике, нежели сначала снять свой траур и танцевать, а затем снова принять траур. Как могу я танцевать, пока слезы еще не все пролиты? — говорил он.

Однако у Па Рангифури было пять братьев. На Тикопии члены общества ожидают, что отношения между братьями будут равными. Они имеют каждый свою долю в семейной собственности, важнейший элемент которой — земля — находится в их совместном владении, хотя после смерти отца они могут ее и поделить. Следовательно, у всех них есть интерес к любому событию, вроде празднества, которое будет опираться на семейные ресурсы и затронет их в том плане, что они должны будут внести в него свой вклад как в форме труда, так и в форме личных благ, таких, как одежда. Но хотя в общих делах они участвуют на равных основаниях, наибольшее влияние обычно имеет самый старший из них. Он отграничивается от них особым термином, указывающим на старшинство, и, как правило, является распорядителем совместной собственности после смерти отца, если братья остаются вместе. В семье вождя эти различия проявляются острее, чем в простых семьях, ввиду проблемы наследования. С теоретической точки зрения, наследование вождества — вопрос открытый. На практике же, если вождь вырастил сыновей, действует система первородства. Поэтому за внешними добрыми отношениями между братьями и их общим структурным равенством кроются возможности для развития зависти и интриг. В этом случае братья Па Рангифури были заподозрены в желании провести танцевальное празднество в первую очередь. Для них это было бы более увлекательное дело, где они, вероятно, имели бы больше возможностей для самоутверждения как в самом танце, так и в организаторских ролях. Появились мысли, что они

хотят, так сказать, «снять сливки» с обильных продуктовых приношений вместо того, чтобы быть вынужденными довольствоваться умеренными приношениями после похоронных обрядов. Люди думали, что раз они живут ближе к старому вождю, то, стало быть, тайно пытаются повлиять на него, дабы он последовал их пожеланиям. Отношение к делу самого вождя не было известно публике — равно как, по всей видимости, и его сыновьям. Но если догадки публики были верны, то вскоре явно должно было последовать какое-то решение.

Все решилось благодаря одному драматичному инциденту. Однажды утром, когда я сидел в доме и занимался своими бумагами, люди позвали меня, чтобы я вышел. Они сказали, что Па Рангифури последовал большими шагами в свой дом, необычайно рассерженный, — они не знали, почему. Я пошел в его жилище и нашел его там, очень сердитого и находящегося в состоянии крайнего возбуждения. Мы прижались друг к другу носами, как принято здороваться на Тикопии, но после этого он почти не обращал на меня внимания, хотя обычно был очень любезен. За его спиной сидели несколько его близких родственников. Все они были явно очень расстроены. Один из них лежал, прижавшись носом к бедру Па Рангифури. Это был общепринятый знак симпатии, выражающий также чрезвычайное уважение. Па Рангифури произносил повышенным голосом отрывочные, почти бессвязные фразы. Слезы струились по его щекам. Его тело мелко дрожало. Он продолжал взрываться короткими яростными замечаниями: «Я намерен покинуть этот остров и совершить самоубийство. Я только хотел вырезать одежду из коры для моего мальчика. Они сказали, что их топор должен зазвучать первым, но разве для погребального плача? Нет же! Для танца!», — и в том же духе. В доме собралось еще больше людей, в том числе пара стариков. Постепенно, пока они расспрашивали его о том, что случилось, и ласково с ним беседовали, он успокоился и кое-что объяснил. Тогда мы начали понимать, в чем дело. Он и его жена собирались пойти и срубить в одном из семейных садов несколько бумажных шелковиц, чтобы заготовить немного коры для обрядов похорон их сына. Они пошли к вождю, чтобы, как принято, сообщить ему об этом — затем, стало быть, чтобы получить его разрешение. Старик был очень немногословен и сердито их оборвал, так и не дав ясно понять, дал ли он свое согласие. Он был настолько краток, что Па Рангифури подумал, что братьям, должно быть, удалось-таки убедить старика отдать первенство танцевальному празднику и отложить похороны. Поэтому, как он объяснил, он почувствовал, что гнев

разливается по его телу. Он хотел вступить в пререкания с отцом. Он хотел вышвырнуть из дома брата, который, по его подозрению, верховодил в попытках повлиять на вождя и настроить его против него. Но на Тикопии персоне собственного отца священна. А если отец к тому же еще и вождь, то тут следует особо тщательно следить за тем, чтобы не проявить перед ним грубость. Поэтому он просто встал, выскочил за дверь и удалился домой. Такова была суть его объяснения. Однако его жест гневного ухода, хотя и позволил избежать открытого нарушения, был достаточно непочтительным, чтобы всерьез обидеть вождя и вызвать во всей деревне глубокую озабоченность.

Что могли сделать жители деревни? Следовало ли им встать на чью-то сторону? Следовало ли им занять стороннюю позицию и дать важным людям самим уладить это дело между собой? Тикопийские установления не оставляют на этот счет особых сомнений; формы *примирения* установлены заранее.

Одни были с вождем, восстанавливая его покоробленное достоинство. Другие были с Па Рангифури. Люди в его доме вели себя очень тактично. Они соглашались с ним насчет правильности его желания вырезать одежду из коры. Они говорили, что это правильно — желать провести похоронные обряды перед танцевальным праздником. Но когда он заговаривал о том, чтобы уйти в море или порвать всякие отношения со своими братьями, они уважительно с ним не соглашались. Они просили его не говорить так. Они приняли сочувственную линию поведения. Они взывали к его привязанности к ним, которых он оставил бы, отправившись в море. Они остались бы без защиты — и это были не пустые словесные формы, так как старший сын вождя традиционно играл важную роль, следя за благополучием простолюдинов. Разговоры такого рода обычны, когда высокопоставленному мужчине нанесена обида — или даже тогда, когда любой человек приведен в серьезное душевное смятение. Люди сидят около него с печальными, серьезными лицами, внимательно его слушают, соглашались с его самооправданиями, но отговаривают его от всяких разговоров о насильственном действии. Они не принимают никаких этических установок. Они не говорят, что самоубийство это нехорошо, и не говорят, что это глупо; они не говорят, что он преувеличивает серьезность всего этого дела.

Когда Па Рангифури наконец успокоился, люди предложили ему пойти на *примирение*. Они попросили его отправиться на свидание со своим отцом — фактически принести ему извинения. Одновре-

менно они предложили, чтобы я, как его близкий друг, отвел его туда. Это тоже обычай; нейтральная сторона высокого ранга должна сыграть роль посредника или сопровождающего. Если бы там не было меня, к этому делу был бы подключен кто-нибудь из старейших членов сообщества или сын другого вождя. По прошествии некоторого времени Па Рангифури согласился. Я взял его за запястье, он встал, и мы пошли к дому вождя. (Я слышал позднее его рассказы об этой части инцидента. Он говорил, что я схватил его за руку и поднял на ноги, а иначе он бы никогда не пошел! Такова функция сопровождающего: спасти *amour propre*³ высокопоставленного человека.) Когда мы вошли в дом вождя, я, не сказав ни слова, сел и стал ждать, что же будет дальше. Старый вождь сидел с суровым каменным лицом, отвернувшись от сына. Па Рангифури принял чрезвычайно почтительный вид. В порыве самоуничижения он бросился ниц на соломенные подстилки, коснулся в знак уважения своим носом колена вождя и начал жалобно причитать. Это были его официальные извинения. Старик сидел подобно статуе, ни один мускул не шелохнулся, он только спокойно посасывал свою трубку. Затем, по прошествии нескольких минут, он повернулся и сказал своему сыну: «Что ты так кричишь? Успокойся!» Он поднял голову Па Рангифури и соприкоснулся с ним носами в знак прощения. Но Па Рангифури продолжал плакать, несмотря на повторные приказания прекратить, демонстрируя таким образом свое искреннее раскаяние. Наконец он остановился, прочистил нос, вытер глаза и сел.

Затем он согласился пожевать бетель, предложенный ему отцом. Мать и другие люди в доме начали упрекать его за его поспешные действия. «Почему ты не подождал и не выслушал, что тебе дальше скажет отец? Твой отец всего лишь ждал, пока ты попросишь его пойти с тобой нарубить деревьев для погребальных одежд». Потом заговорил сам вождь — не укоризненно, а даже в более мягком и рассудительном тоне, чем я когда-либо прежде от него слышал в разговорах с сыновьями. Он объяснил, что только и ждал, когда Па Рангифури придет и даст ему слово. Но его рассердил один из племянников. Этот человек тайком опередил его, срубив первое дерево в одном из его садов, где вождь хотел собственноручно свалить первое дерево своим топором, чтобы сделать одежды из коры для приношения своему главному богу. Поэтому он и говорил тогда резко; он не был сердит на Па Рангифури

³ Самолюбие, чувство собственного достоинства (*фр.*).

и не собирался препятствовать его планам. Старик завершил, обратившись к сыну с вопросом, не пойдет ли он в сад прямо сегодня, чтобы нарубить деревьев для одежды из коры. Немного поколебавшись, Па Рангифури, вообще не пытавшийся как-то себя оправдать, согласился. Затем ему преподнесли новый топор его отца, который до этого еще никогда не использовали и которым он один имел привилегию пользоваться. Так дело было улажено.

Без слов согласились сначала провести похороны. На следующий день я снова разговаривал с Па Рангифури, который вскоре затронул тему своего умершего сына. Скорбным голосом он сказал: «Он бросил меня и ушел в море». Он рассказал мне, что его отец отложил ценные ожерелья, браслеты и некоторые другие родственники дали бусы и ткань и что следующей ночью, во время церемонии, все эти вещи должны быть захоронены в могиле. Теперь он был удовлетворен тем, что выбран правильный курс действий. Его личная вспышка темперамента ускорила принятие решения, которое означало выполнение структурных обязательств.

Почему вспышка его гнева должна была произойти именно в это время? В структуре тикопийских правил родства не установлено ничего, что обязывало бы к выражению протеста этого типа в случае, если выполнение родственных обязательств откладывается. С другой стороны, хотя жители Тикопии легко переходят к открытому выражению эмоций и не видят ничего стыдного в том, что западный человек счел бы недостатком сдержанности в их публичном поведении, давать объяснение просто в терминах тикопийского темперамента или личности самого отца было бы неадекватно. Некоторое взрывное действие необходимо, чтобы выпустить наружу эмоциональный заряд, присутствующий в ситуации описанного типа. Это взрывное действие было совершено самим Па Рангифури, нечаянно, под влиянием сна.

В разговоре со мной он описал мне далее сон, приснившийся ему в ночь накануне того, как он поссорился со своим отцом. Он сказал, что дух его сына явился ему — впервые с тех пор, как мальчик потерялся (с тех пор уже прошло несколько месяцев). Он сказал мне, что был в своем сновидении в одном из семейных садов. Его сын взобрался на кокосовую пальму и отламывал от дерева орех. Он позвал его: «Ноакена, Ноакена!» Мальчик ответил: «Что?» «Что ты там делаешь?» «Срываю кокосовые орехи в хранилище». «Передай мне один» [«и я протянул руку», — сказал мне Па Рангифури]. «Не трогай его, пока я его не сброшу», — ответил парень. «Эй! передай его мне», — сказал отец. «Не тро-

гай его, пока я его не сброшу». Тогда мальчик слез с пальмы, отошел на некоторое расстояние и взобрался на другое дерево. Отец опять позвал его по имени, несколько раз, но он не откликнулся. «И опять я позвал его: «Ноакена, черт бы тебя побрал! Почему ты мне не отвечаешь?» И тогда я услышал, как он ворчит на меня «Ну! Ну! Ну!» крикливым голосом, а потом он исчез. После этого я вернулся в свой дом — но я уже спал у себя дома; все это происходило только во сне».

Затем Па Рангифури описал, как ему во сне явились две женщины. Одна из них была его сестра, которая умерла на Анута, соседнем острове, но во сне приняла форму девушки, живущей в соседнем доме. У каждой из женщин была в руке корзина. Он позвал по очереди каждую из них, но никто не ответил. Одна отвернула свое лицо. В этом месте жена Па Рангифури, слушавшая рассказ, перебила: «Пара женщин-богинь [несущих корзины болезни]. Они само зло. Взгляните-ка на такого-то и такого-то, который их видел; вскоре после этого в его доме случилась смерть». «Сиди молча, — сказал Па Рангифури, — пока я рассказываю свой сон». Он продолжил: «Тогда я пришел в свой дом и заснул — но я уже спал все это время. Потом Ноакена пришел ко мне, пробрался через дверь вот так». [Он проиллюстрировал действие: на Тикопии двери очень низкие, и поэтому через них приходится проползать на корточках]. «Он сбоку ко мне подошел, и я взглянул на его лицо и тело. Он подполз туда, где я лежал, склонился надо мной и спросил: «Ты сказал, чтобы меня высушили?» Тогда я пошевелился. Я протянул руки, чтобы обнять его, и крикнул: «О, увы, дитя мое!» И тогда моя рука наткнулась на этот ящик [стоящий у изголовья его спальни подстилки]. Я проснулся, сел и схватил одежду из коры — вот она [показал на нее у изголовья постели]. Я развернул ее и разложил [так делают приношения духу умершего мальчика], говоря: «Вот она, твоя сухая одежда». А потом я сидел и плакал о нем... На следующий день я сказал жене: «Пойдем нарубим деревьев для нас двоих», — имея в виду приготовления к похоронам».

Я записал основные моменты его сновидения прямо на месте, пока Па Рангифури рассказывал, и добавил к ним некоторые замечания сразу же после. И хотя занят я был в первую очередь научными записями и интерпретацией, я не мог избежать впечатления от рассказа. Человек был полон искренности, явно были затронуты его глубокие чувства. На его лице отражались его эмоции, а голос был хриплый и отрывистый, близкий к рыданиям. Его крик, когда он распростер свои руки, показывая, как он попытался привлечь к себе

сына, а наткнулся лишь на деревянный ящик, был трогателен, живо напоминая о случившемся. А потому можно понять, что когда Па Рангифури на следующее утро после сновидения отправился повидаться с отцом, он был в чрезвычайно эмоциональном состоянии, готовый немедленно отреагировать насилием на любое противодействие его побуждению поторопиться с похоронными обрядами. Он сказал о своих тогдашних действиях: «Мое брюхо было такое, как будто огонь поселился в нем».

Этот случай поднимает несколько психологических вопросов. Сон явно был выражением отцовских чувств сновидца. Он выражал также его чувство конфликта и фрустрации, связанное не только с тем, что братья, казалось, ему перечили и противостояли, но и с тем, что его покинул сын. Он отражает как агрессию, так и угрозы совести в отношении мальчика. Символизма этого сновидения, необычайно сложного, можно коснуться лишь вскользь. Кокосовые орехи и дерево — вероятно, сексуальные символы. Но с внешней стороны они имеют важные ритуальные ассоциации. Они служат символом головы главного бога клана. Нечленораздельное «*нгу! нгу!*», произнесенное в этом сновидении мальчиком, в тикопийской религиозной системе считается типичным звуком, какой издают духи моря. Все сновидение в целом драматически изображало, что мальчик теперь стал духом. С точки зрения социальной организации важной чертой сновидения является то, как оно служит для сновидца гальванизатором или побудительной силой, заставляющей его предпринять действие с тем, чтобы исправить выведенное из равновесия эмоциональное состояние. Психология не является здесь предметом нашего интереса, но ее социальные следствия важны для нашего анализа.

Анализ показал, насколько нереально понятие групповой солидарности, если применять его в исследовании социального процесса, не дав ему точного определения. Семья и линидж во многих общественных делах действуют как единое целое. Но в других делах их члены становятся источниками отдельных сил влияния, которые могут находиться как в гармонии, так и в оппозиции. Фортес отмечает в отношении талленси, что во всех социальных деятельности, в которых братья принимают участие как сыновья своего отца, они, так сказать, сплавляются воедино⁴. Наш пример показал, насколько далеким от

истины было бы это положение применительно к Тикопии. Столкновение интересов братьев, нарушение норм этикета между отцом и сыном достаточно необычны в публичной экспрессии, чтобы превращаться в драму, когда они происходят, но они распознаются в трениях тикопийской социальной жизни.

Социальная организация, или управление социальными отношениями, включает механизмы улаживания таких трений. В некоторых обществах есть правовые механизмы, к которым прибегают как к крайнему средству. Но в малом сообществе, которое мы взяли здесь для анализа, трудно различить или выделить специфически правовые процедуры хотя бы потому, что нет единого общеупотребительного критерия права как политически организованной силы общества. Однако нас интересует не номинальная классификация процедур улаживания конфликтов, а реально используемые средства и их эффективность. В малом сообществе с высокой степенью межличностного контакта между всеми его членами могут быть очень эффективны относительно неформальные процедуры. В сообществе большого размера, где, может быть, трудно отыскать индивидов, которые бы лично знали обоих участников спора, должны быть приняты более формальные процедуры. Приведенный нами случай показывает, как видный член сообщества под влиянием эмоционального напряжения нарушает правила этикета по отношению к своему отцу и вождю и позволяет себе экстравагантный язык, включая угрозы покончить жизнь самоубийством. Другие члены его сообщества хотя и расстроены, не замирают в растерянности. Их действия следуют определенному образцу — который можно увидеть, будь у нас место для описания других случаев социального конфликта. Давайте рассмотрим основные элементы, выраженные в поведении разных индивидов, действующих сообща или по отдельности.

Люди оказывают расстроенному человеку социальную поддержку. Они не оставляют его в одиночестве; они толпятся вокруг него. Они опираются на структурные принципы общества, мобилизуя тех, к кому, вследствие близости родства или статусного старшинства, он, скорее всего, будет прислушиваться. Вначале они хранят невозмутимость, выказывая лишь незначительные знаки того, что они на его стороне и ему сочувствуют; в их поведении по отношению к нему подчеркивается его местонахождение в центре сцены и его статус. Они относятся ко всему этому делу как к делу чрезвычайной важности. Далее они начинают выяснять подробности, задавая вопросы, и стимулируют тем самым

⁴ Fortes M. The Dynamics of Clanship Among the Tallensi. London, 1945. P. 199.

человека свободно излить свою душу, высказать все, что у него накипело. Они соглашаются с его самооправданиями. От чего они его пытаются отговорить, так это от его предполагаемых действий. Они не осмеивают его и не вступают с ним в споры; они в какой-то мере принимают его точку зрения, но взывают к его любви к ним и к его тщеславию, чтобы не дать его обещаниям в конце концов осуществиться. В итоге складывается впечатление, что они атакуют его рациональные доводы доводами чувств; на самом же деле они подчиняют его эмоции разуму. Если необходимо, они призывают нейтральную сторону, дабы придать дополнительный вес своим аргументам и, в частности, позволить этому человеку уладить ситуацию, не потеряв при этом самоуважения. Таким образом, человеку, выбившемуся из своего социального места, помогают восстановить самого себя. Ему позволено излить свои чувства, косвенно узнать мнение своих близких и вновь обрести свое положение, создав при этом видимость того, что он сделал это не по принуждению, а уступив их мольбам. Катарсис и призыв к чувствам используются как рычаги реорганизации отношений.

Эти рычаги бывают по-разному эффективны, и один из важных факторов здесь — имеющийся в наличии запас времени. Тикопийцы, как и большинство полинезийских народов, склонны к попыткам самоубийства. «Склонность к уходу от ситуаций личного позора», как ее называли, очень им свойственна. Этот отказ мужественно принять все следствия социальной ситуации может обретать одну из нескольких форм. Такой способ самоубийства, как повешение, принят как среди мужчин, так и среди женщин. Однако наиболее распространенный способ, которым пользуется мужчина, состоит в том, что он берет маленькое каноэ и уходит в море — иногда взяв с собой весло и парус, а также немного кокосовых орехов, иногда вообще без провизии. Женщина, чья нога обычно никогда не ступает в каноэ, просто уплывает в открытое море, пока не утонет или пока ее не съедят акулы. Когда узнают о попытке самоубийства, в море отправляются спасательные команды, и нередко им удается спасти человека, чье желание пожертвовать своей жизнью, возможно, уже ослабло перед лицом близости смерти. На самом деле попытка самоубийства может быть средством оказания социального давления на сообщество, возложения на других бремени ответственности, достижения реабилитации посредством очищения в форме отдачи всего того, что человек имеет — даже самой жизни — на волю случая. Морселли, Штейнмец и прежде всего Дюркгейм исследовали социологические

аспекты самоубийства и показали, что этот поступок, несмотря на его частный, интимный характер, не может рассматриваться как сугубо личное решение. В нем отражаются в значительной степени другие социальные факторы. Морселли говорил: «Психическая жизнь индивида — не более чем отражение природы и характеристик того социального агрегата, внутри которого он мыслит, желает и действует». Однако есть некоторые разногласия относительно того, какова эта связь. Дюркгейм утверждал даже, что уровень самоубийств в обществе есть показатель социальной сплоченности. С этой точки зрения, чем выше частота самоубийств, тем слабее социальная интеграция. Альтернативная точка зрения предложена Нэделом, который доказывает существование корреляции между социальной ригидностью, или включительностью, и частотой самоубийств. Чем меньше терпимости проявляется к проступкам и чем меньше предлагается законных альтернатив жизни, тем выше предрасположенность к самоубийству. Тикопийские данные показывают, что значимым здесь является различие между попыткой самоубийства и совершением самоубийства, и частоту совершения самоубийств нужно интерпретировать *inter alia* в связи с факторами социальной организации. Тикопия — это общество, о котором, учитывая тесно подогнанные механизмы социального сотрудничества и обособленное общинное сознание, можно сказать, что оно обладает высокой социальной сплоченностью. Тем не менее частота попыток самоубийства в нем высокая. С другой стороны, это общество нельзя назвать ригидным; нельзя сказать, чтобы оно не предоставляло возможностей для аномального поведения. Институционализированные роли, вроде роли посредника в общении с духами, и институциональные процедуры убеждения, наподобие только что описанных, могут давать людям богатые возможности для восстановления их социального равновесия. Действительные самоубийства, которые случаются, — функция не только предрасположенности, но также времени и возможности. Самоубийство на Тикопии не осуждается, но в то же время и не приветствуется общественным мнением — как и в Японии. Мобилизация сил на его недопущение происходит быстро, как только такая попытка раскрывается. Социальная организация, стало быть, оказывает явное сдерживающее влияние на самоубийство, так как предоставляет катартические механизмы, позволяющие отвести такую попытку, и спасательные механизмы, позволяющие сделать попытку безуспешной.

Попытаемся теперь определить более конкретно некоторые из основных элементов, или принципов, задействованных в социальной организации, как она проявляется в конкретной деятельности. Первый — это элемент *координации*. Для воспроизведения процессов социальной жизни единицы, до сих пор друг с другом не связанные, должны быть приведены в связь, определяемую общей целью. С точки зрения нашего социального анализа, этими единицами являются на самом деле деятельности или поведенческие конфигурации людей, хотя они и осуществляются в отношении таких посредников, как материальные блага или язык. Даже на простом экономическо-техническом уровне малого сообщества, какой был описан в этой главе, такая координация использования ресурсов, в том числе времени и энергии людей, является серьезным процессом, который включает в различных своих точках значительную свободу выбора.

Потребность в такой координации возникает из основополагающего недостатка соответствия между элементами, заключенными в существующей ситуации, и тем, что считается требуемым. Это предполагает проективные усилия. Например, в экономической сфере объем наличных ресурсов является неадекватным или они наличествуют в форме, непригодной для удовлетворения потребностей. Либо в социальной сфере взаимное расположение человеческих элементов такое, что мыслится желательным какое-то иное их упорядочение. В любом акте человеческого дерзания должен всегда иметь свою долю элемент неопределенности. В экономическом мероприятии — например, пиршестве — в силу физических (болезнь) или социальных (обида или апатия) причин может не набраться необходимого количества рабочей силы. В каком-либо социальном мероприятии, например, свадебном обряде, те или иные участники церемонии могут поссориться, или же родственники могут на тех или иных основаниях предъявить свои возражения против брака. В самых обыденных делах элемент неопределенности должен разрешаться, насколько это возможно, посредством суждения о вероятностях. Там, где не помогает суждение, часто приходится прибегать к вере. Однако в конечном счете эти вероятности или замещающая их вера связываются с поведением людей. Даже события в Природе могут видеться в этом свете. Стоит, скажем, урагану нанести удар по хлебам сообщества, и мы должны будем в последующей организации принять во внимание не только это природное явление; мы должны будем учесть вероятную реакцию людей на эту новость и на возник-

ший вследствие урагана голод. Как показал Фрэнк Х. Найт, основополагающим фактом организованной деятельности является тенденция к преобразованию неопределенностей человеческого мнения и действия в измеряемые вероятности путем вынесения точной или приблизительной оценки способностей людей. В высокодифференцированной экономике прибыль достается предпринимателю именно благодаря его способности делать оценки, подтверждаемые дальнейшим ходом событий. В малом, более примитивном по типу сообществе вознаграждения более диффузны; они выражены в социальном статусе и уважении общества. Однако этот статус и это уважение должны быть чем-то существенно подтверждены, в противном случае структура общества не выживет, и будет происходить постоянное перетекание его членов из одного социального положения в другое. Высокий статус мага, посредника в общении с духами или прорицателя во многих малых сообществах обусловлен их общей проницательностью в оценке того, как их соплеменники будут скорее всего себя вести — в условиях, когда их диагнозы бывают как правильными, так и неправильными. Таким образом, мы можем определить *предвидение* как второй элемент, имеющий важное значение в социальной организации.

Третий элемент — *ответственность*, о которой мы уже ранее говорили. Она имеет два аспекта: *принятие* ответственности индивидом, на которого падает бремя окончательного решения; и *приписывание* ему ответственности другими, которые соглашаются с тем, что он возложит на себя это бремя. В высокодифференцированном западном обществе процесс приписывания часто имеет крайне сложный, формальный и институционализированный характер. В малом сообществе более простого типа такое приписывание чаще является негласным, простирающимся как следствие из социальной структуры. Во многих таких обществах, имеющих вождя как элемент социальной системы, одна из их первоочередных функций состоит в принятии ответственности за многие из важнейших решений в жизни сообщества. Решение временами может возникать почти самопроизвольно, без какой-либо вполне осознанной формулировки, из консенсуса мнений тех, кто окружает вождя. Но он несет бремя этого решения, и именно он пожинает славу, сигнализирующую об успешном исходе дела. В других случаях, как, например, в том, который мы привели в этой главе, вождь может выносить решение, которое никоим образом не вытекает напрямую из обстоятельств и без которого социальная жизнь пре-

вратилась бы в хаотичное противостояние конфликтующих партий. Решение в таких случаях требует не только какой-то степени знания человеческих реакций, основанного на опыте, но также твердости мнения и установки. Любой акт социальной организации несет в себе семена конфликта. И тут есть не только возможности столкновения по поводу лучших способов достижения согласованной общей цели. Несогласие в выборе целей может способствовать расколу в социальной группе, а само оно может вытекать из уже существующего расхождения интересов. Это несогласие может быть персональным, зависящим, скажем, от различий в индивидуальных чувствах, а может быть и структурным, зависящим от различия статуса. Будь это несогласие открытым или скрытым, на внешнем уровне обычно ищется и находится какое-то его разрешение. Когда улаживание разногласий происходит по решению вождя, важно, что это редко бывает чисто волевым решением. Обычно имеется некоторая уступка той или другой из сторон.

Отсюда выявляется четвертый важный элемент социальной организации. Его можно назвать *базисной компенсацией*. Он лежит в основе вклада каждого фактора в эту ситуацию. Малиновский подчеркивал важность этого принципа, говоря о *взаимности*. Однако этот термин предполагает в первую очередь взаимоотношение обмена, тогда как для передачи имеющейся в виду базисной отдачи нужно более широкое по смыслу понятие. Эта базисная компенсация причитается не только за то, что может быть признано специфической услугой, допустим, за какой-то объем работы и не только за акт, явно способствующий организации деятельности; она может быть ответом на простое присутствие человека или на его молчаливое согласие. Обычно она достается не в форме материальных благ, хотя в малом примитивном сообществе материальные блага часто даются в компенсацию за услуги или поступки, которые не потребовали бы таковых в нашем западном обществе. В сущности своей, это социальная цена за участие в деятельности. Она может выплачиваться в виде престижа, вежливости, места на коллективном сборище, выслушивания того, что человек говорит, вместо его игнорирования.

Этим четырем принципам: координации, ответственности, предвидению, базисной компенсации — нелегко дать количественное выражение. Однако при исследовании конкретных случаев социальной организации можно, вероятно, составить некоторое представле-

ние об их величинах, а тем самым предложить основу для сравнения разных обществ.

Степень координации в какой-то мере может быть выражена радиусом охвата и временной протяженностью отношений между затронутыми лицами. Ответственность можно выразить как функцию численности людей, диапазона статусов и типа представленных социальных групп. Предвидение не может быть выражено как твердое суждение, но может быть рассмотрено в терминах заблаговременных приготовлений ко встрече с предсказанными нуждами — мобилизации благ во времени, например, для подготовки к брачной церемонии. Базисная компенсация может быть выражена просто в материальных терминах, но какая-то ее доля может быть найдена в случаях, когда можно сопоставить пропорционально отказ от сотрудничества и сотрудничество.

На нынешней стадии развития социальной антропологии такой тип измерения еще только начинает использоваться.

Когда масштаб сотрудничества значителен, а сфера ответственности широка, какое-либо событие в социальной организации может иметь заметные последствия для социальной структуры. Так обстоит дело, например, в области права. В малом сообществе того типа, который мы обсуждали, единичное решение вождя может в каком-нибудь важном отношении радикально изменить практику сообщества. Так, решение одного из вождей стать христианином вызвало на Тикопии длинную череду последствий, которые оказали воздействие на традиционные религиозные церемонии, на отношения между вождями, на посещаемость танцевальных праздников и на некоторые важные экономические обмены. Аналогичным образом решения вождей тсвана, принятые ими в судах, во многом обусловили изменение брачного обычая и отношений собственности в этих племенах. Во всех этих случаях предвидение того, что из лояльности или по каким-то другим причинам люди примут изменение, оправдывалось ходом событий. Можно также допустить, что люди в своей конформности получали некоторые элементы базисной компенсации.

Организационный анализ можно проводить дальше, например, на уровне организации личности в рамках теории мотивации. Однако эффективная связь различных типов анализа еще только должна быть установлена.